

8. Nekhoroshikh I. N. Analysis of state support for small and medium-sized businesses in developed countries of the world / I. N. Nekhoroshikh, O. V. Mikhailov // Region: systems, economics, management. — 2023. — No. 1 (60). — Pp. 56—61.

9. Official website of the Ministry of Agriculture of Russia. — URL: <https://mcx.gov.ru/> (date of access: 08.10.2025).

10. Federal Customs Service of Russia: official website. — URL: <https://customs.gov.ru> (accessed 02.10.2025).

УДК 930.24

EDN YGQUGM

1941 ГОД В ЗЕРКАЛЕ ИДЕОЛОГИИ: СОБЫТИЯ, ДИСКУССИИ, ОЦЕНКИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНОВ РФ)

Коды JEL: N14, N34, N44

Савушкин Л. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Воронеж.

E-mail: savushkin.lieonid@mail.ru; SPIN-код: 5796-6962

Остапенко В. С., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Воронеж.

E-mail: ostapenco-vl@yandex.ru; SPIN-код: 1617-8896

Малышева Е. Ю., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, г. Воронеж

E-mail: meyfilolog2020@yandex.ru; SPIN-код: 3385-7865

Поступила в редакцию 16.11.2025. Принята к публикации 01.12.2025

Аннотация

Актуальность темы. В условиях военной экспансии Запада против России еще более возрастает роль идеологического фактора и определение его роли в решении неотложных задач начала войны. Это обстоятельство стало причиной анализа идеологической работы на начальном этапе Великой Отечественной войны. В этой связи дан подробный анализ развития событий в начале войны, представлены два противоположных взгляда на прошедшие события.

Цель. Анализ концептуальных подходов к идеологическому освещению начального периода Великой Отечественной войны и усилению политico-массовой работы военных лет на региональном уровне. Обоснование доминанты процесса перебазирования промышленного и людского потенциала из угрожаемых районов на восток страны, сопровождаемой многообразной политico-массовой работой по вводу в строй эвакуированных заводов и фабрик в кратчайшие сроки, а также необходимости усиления идеологии, отражения ее на государственном уровне в условиях специальной военной операции (СВО) и продолжающегося конфликта на Украине.

Методология. Методы ретроспективного и логического анализа мероприятий по организации и проведению обороны страны в начальный период войны. В основе исследования - проблемно-хронологический метод, который позволил осветить политico-массовую работу в регионах страны.

Результаты и выводы. Показана эффективность идеологической работы в начале войны, когда важнейшими стали идеи патриотизма и укрепления государственности. Раскрыты интегративная функция идеологии и важнейшая функция овладения массовым сознанием советского народа. Дан анализ военных событий начала войны с отражением современных дискуссий по проблеме. Обозначены две главные задачи первого периода войны с подробным освещением процесса перебазирования промышленного и людского потенциала на восток страны. Отражен аналитический вывод об итогах «великого переселения на восток», отмечена необходимость борьбы с западными «ценностями» и открытого установления государственной идеологии для воспитания молодого поколения.

Область применения. Материалы применимы для политического и исторического просвещения в рамках образовательного процесса в школах, техникумах, вузах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, идеология, патриотизм, государственность, Родина, промышленный потенциал, перебазирование на восток, «блицкриг»

UDC 930.24

EDN YGQUGM

1941 IN THE MIRROR OF IDEOLOGY: EVENTS, DISCUSSIONS, ASSESSMENTS (BASED ON MATERIALS FROM THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

JEL Codes: N14, N34, N44

Savushkin L. M., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Voronezh.

E-mail: savushkin.lieonid@mail.ru; SPIN-code: 5796-6962

Ostapenko V. S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Central Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Voronezh.

E-mail: ostapenco-vl@yandex.ru; SPIN-code: 1617-8896

Malysheva E. Y., Senior Lecturer at the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Voronezh

E-mail: meyfilolog2020@yandex.ru; SPIN-code: 3385-7865

Received by the editorial office 16.11.2025. Accepted for publication 01.12.2025

Annotation

Relevance. In the context of the military expansion of the West against Russia, the role of the ideological factor and the definition of its role in solving the urgent tasks of the outbreak of war are even more increasing. This circumstance became the reason for the analysis of ideological work at the initial stage of the Great Patriotic War. In this regard, a detailed analysis of the development of events at the beginning of the war is given, and two opposing views on past events are presented.

Goal. The analysis of conceptual approaches to the ideological coverage of the initial period of the Great Patriotic War, the strengthening of the political and mass work of the war years at the regional level. The dominant place is devoted to covering the process of relocation of industrial and human potential from threatened areas to the east of the country. It reflects the diverse political and mass work on the commissioning of evacuated plants and factories as soon as possible. It also shows the need to strengthen ideology and reflect it at the state level in the context of a special military operation and the ongoing conflict in Ukraine.

Methodology. Methods of retrospective and logical analysis of measures for the organization and conduct of national defense in the initial period of the war. The research is based on the problem-chronological method, which made it possible to highlight the political and mass work in the regions of the country.

Results and conclusions. The effectiveness of ideological work at the beginning of the war is shown, when the ideas of patriotism and strengthening statehood became the most important. The integrative function of ideology and the most important function of mastering the mass consciousness of the Soviet people are revealed. An analysis of the military events of the beginning of the war is given, reflecting modern discussions on the problem. Two main tasks of the first period of the war are outlined, with detailed coverage of the process of relocation of industrial and human potential to the east of the country. The analytical conclusion on the results of the «great migration to the East» is reflected, the need to combat Western «values» and openly establish a state ideology for the education of the younger generation is noted.

The scope of application. The materials are applicable for political and historical education in the framework of the educational process in schools, technical schools, universities.

Key words: The Great Patriotic War, ideology, patriotism, statehood, Homeland, industrial potential, relocation to the east, «blitzkrieg»

Введение

С началом Великой Отечественной войны изменились решительно все сферы общественной жизни. Однако главным источником Великой Победы нужно считать эффективность идеологической работы. Уже в 30-е годы 20 века при установлении фашистского режима в Германии важнейшими в СССР стали идеи патриотизма и укрепления государственности. Постепенно понятия «патриотизм», «Родина» прочно вошли в пропагандистский лексикон. «Слово «Родина» впервые было использовано в утвержденных на Политбюро ЦК ВКП(б) пропагандистских лозунгах, использовавшихся на первомайских демонстрациях 1934 г. К примеру, лозунги призывали Красную Армию быть верной социалистической Родине, а не пролетарскому интернационализму» [1].

Государственная идеология с самого начала войны выполняла две важнейшие функции:

1. Национальная интеграция, которая была направлена на преодоление различий по национальным, культурным, экономическим и другим особенностям. Данная цель достижима при условии соответствия идеологии доминирующему взглядам граждан на сущность добра и зла, а также на содержание правомерного поведения людей в обществе.

2. Овладение массовым сознанием. При выполнении этой функции используются мифы, легенды, обычаи, традиции для того, чтобы общественность позитивно воспринимала политический курс. Данная функция воспитывает убежденность, что руководство защищает жизненные интересы нации. В этом случае идеология поддерживает власть и политическое управление. Кроме того, идеальная программа «всегда должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного «хомо сапиенс» [2].

Сегодня на разных уровнях идет исследование военного прошлого.

Дискуссии о 1941-ом

Современное поколение стоит перед необходимостью трезво поразмышлять о горьком 1941 г. Стабильное продвижение войск неприятеля (50—100 км в день) поставило страну на грань катастрофы и диктовало необходимость спасения промышленности, сельского хозяйства, культурных ценностей. В этом была надежда на выживанию в будущем.

В этой связи перед страной стояли две задачи:

1. Перебазирование промышленного, аграрного потенциала и культурных ценностей на восток страны.

2. Превращение войны из «блицкрига» в долгую затяжную войну на невыгодных для

Германии условиях, которая потребует много материальных и экономических ресурсов.

После объявления войны Коммунистическая партия стала воюющей партией и взяла на себя ответственность по организации обороны страны. Партия организовала, а советский народ воплотил в жизнь беспрецедентное, не имеющее аналогов в истории войн перебазирование средств производства и огромного контингента людей в восточные районы.

Однако сегодня вопрос в другом: а могло ли быть иначе?

За годы довоенных пятилеток был создан достаточно сильный экономический потенциал. На востоке страны создана индустрия, проведена коллективизация сельского хозяйства. Серьезными были успехи в области культурной революции. Все это укрепляло экономический и оборонный потенциал страны.

О военных неудачах 1941 года до сих пор идут дискуссии, которые включают в себя две полярные точки зрения.

«Не будь 1937 года, — писал К. М. Симонов, — не было бы и лета 1941 г., и в этом корень вопроса. Не будь 1937 года, мы к лету 1941 г. были бы несомненно сильнее во всех отношениях, в том числе, и в чисто военном, и прежде всего потому, что в рядах командного состава нашей армии пошли бы в бой с фашизмом тысячи и тысячи преданных коммунизму и опытных в военном деле людей, которых изъял из армии 1937 год, и они, эти люди, составили бы к началу войны больше половины старшего и высшего командного состава армии» [3].

Репрессии отразились и на решениях, принимаемых в начальный период войны. «Важнейшие военные и политические решения, — отмечал академик А. М. Самсонов, — принимались в обстановке страха перед возможными репрессиями, а чрезмерно возвышившийся авторитет одного человека мешал другим, — в том числе весьма ответственным руководителям и военачальникам самостоятельно принимать необходимые решения» [4].

Упрямая вера в возможность оттянуть начало войны привела к грубейшим просчетам в оценке времени возможного нападения. Политическая линия на оттягивание войны воплощалась в жизнь любой ценой. Оправдано ли это? Известный маршал Советского Союза А. М. Василевский в этой связи писал: «Как всегда причин для того, чтобы добиться оттягивания сроков вступления СССР в войну, имелось достаточно. И жесткая линия И. В. Сталина не допускать того, что Германия могла бы использовать как повод для развязывания войны, оправдана историческими интересами социалистической Родины. Но вина его состоит в том, что он не увидел, не уловил того пред-

ла, дальше которого такая политика становилась не только не нужной, но и опасной. Такой предел следовало смело перейти, максимально быстро привести Вооруженные Силы в полную готовность, осуществить мобилизацию, превратить страну в военный лагерь. Следовало, видимо, тянуть время, где-то максимум до июня, но работу, какую можно вести скрытно, - выполнить еще раньше. Доказательства того, что Германия изготавливалась для военного нападения на нашу страну, имелось предостаточно. В наш век их скрыть трудно. Опасения, что на Западе поднимется шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, нужно было отбросить. Мы подошли волею обстоятельств, независящих от нас, к рубикону войны, и нужно было твердо сделать шаг вперед. Этого требовали интересы нашей Родины» [5].

В результате, как считают представители данного взгляда, мы стали пожинать катастрофические последствия в летней кампании 1941 г. Стремительное продвижение войск противника позволило начальнику Генерального Штаба сухопутных войск генералу Гальдеру в начале июля записать в дневнике: «...кампания против России выиграна в течение 14 дней» [6].

Вторая точка зрения в большой дискуссии о начале войны сводится к следующим суждениям. Никто из современников не может «бросить камень» в руководящую элиту предвоенных и военных лет. Или упрекнуть их в забвении государственных интересов. По поводу возможности предугадать начало войны можно сказать о том, что неукоснительное выполнение международных обязательств, договоров — это наша историческая традиция.

Приведем пример из современности.

Для того, чтобы снять напряжение в отношениях США и Сирии, когда Государственный департамент США потребовал удалить с поста Президента Башара Асада под предлогом имеющегося в стране химического оружия, которое несет опасность для других стран, руководство России во главе с В. В. Путиным предложило сильный договорной вариант: Россия берет на себя транспортировку химического оружия в Россию и его уничтожение, утилизацию вместе с российским химическим оружием под наблюдением американских экспертов. Такую же процедуру в своей стране должны провести США. Для реализации столь опасного мероприятия было построено несколько заводов по утилизации химического оружия. И в присутствии инспекторов США прошла его утилизация. Следующий шаг был за американской стороной. Военные эксперты США отбыли с соответствующими подписанными актами и полной информацией для Государственного Департамента США. В ответ на это через некоторое

время прозвучало с американской стороны, что у них нет средств на строительство химических заводов.

У всех на памяти нашумевший в международном плане договор «Минск-2» о прекращении военных действий в украинском конфликте, который подписали европейские страны. Российская сторона скрупулезно выполняла этот договор, чего не наблюдалось со стороны Украины, которую подталкивали к войне европейские страны — Франция, Германия, Польша. Все окончательно разъяснилось, когда бывший канцлер Германии Ангела Меркель публично призналась, что европейские страны и не собирались выполнять этот договор, им нужно было время для накопления военных сил.

И возвращаясь в период начала войны, следует заметить, что у Сталина на столе лежали две стопки с донесениями внешней разведки из разных стран по поводу начала войны: в одной утверждалось о скором начале войны, в другой — начало войны отрицалось. Следует сказать несколько слов о донесениях Рихарда Зорге. Он первым сообщил точную дату и время нападения — 22 июня, воскресенье, 4.00 утра. За этим донесением его схватила японская контрразведка и он был брошен в застенки, где впоследствии был замучен. В этой связи утверждают, что Stalin поверил Hitleru, а не своему разведчику. Сообщений, подобных тому, которое сделал Зорге, было немало и инерциальная вера в большинство заставила Сталина поверить большей стопке донесений, к тому же соблюдалось стремление не нарушить договор Риббентроп-Молотов. Именно с этой целью 14 июня 1941 г. было опубликовано «странное», ничем не спровоцированное заявление ТАСС о том, что войны в ближайшее время не будет. Это сообщение ТАСС вопреки нападкам либералов давало четкий сигнал Западу: США, Англии и Германии о том, что договор о ненападении неукоснительно соблюдается.

Сообщение Зорге оказалось в меньшей стопке донесений, но его подвиг заключается не в данном донесении, а в том, что несколько ранее он сообщил руководству СССР о том, что Япония не будет открывать на Востоке фронт против СССР. Благодаря такой информации, Ставка Верховного Главнокомандования сумела в критические дни Московской битвы снять из Сибири дивизии генерала Панфилова, которые стойко защищали Москву, с последующим переходом в контрнаступление 5—6 декабря 1941 г.

После обращения наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова к гражданам СССР по радио в полдень 22 июня 1941 г. все руководящие механизмы страны заработали с полной отдачей. Уже на второй день была объявлена все-

общая мобилизация. 24 июня был создан Совет по эвакуации, руководителем которого был Н. М. Шверник, а его заместителем А. Н. Косягин (успешный председатель Совета Министров СССР в годы правления Л. И. Брежнева). Вскоре был создан чрезвычайный орган — Советское Информационное бюро. Сводки Совинформбюро передавали по радио и громкоговорителям утром и вечером. При этом важно отметить, что каждую сводку редактировал лично И. В. Сталин.

29 июня 1941 г. вышла директива СНК СССР и ЦК ВКПб «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» о мероприятиях по организации отпора врагу. 3 июля 1941 г. к народу обратился И. В. Сталин с известной речью, которая начиналась словами: «Дорогие братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои». С первой строки это обращение было доверительным, приближающим лидера к народу. Речь содержала основные положения директивы от 29 июня 1941 г.

Была ли в этой ситуации у нас альтернатива? В беседе за круглым столом, организованным Московскими Новостями, бывший заведующий международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин уточнил: «Я ставлю вопрос так: в чем было наше спасение в 1941 г.? Одно единственное на всех. В срыве «молниеносной войны Гитлера». Другого спасения нам не было дано. Предстояло выиграть не войну вообще, а именно этот вариант войны, с которым нацисты связывали все мечты о победе, и навязать Гитлеру войну на невыгодных для Германии условиях. Войны, для победы в которой потребуется много времени и жертв» [7].

Перебазирование на Восток

Решительные меры по перебазированию промышленности и рабочих в восточные районы страны были единственно правильными и необходимыми в сложившейся ситуации. 27 июня 1941 г. ЦК ВКПб и СНК СССР ввели в действие Постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценностного имущества». 5 июля 1941 г. было утверждено положение «Об эвакуационном пункте». К середине августа 1941 г. в прифронтовых и тыловых районах страны вели работу 126 эвакопунктов [8]. «Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Сеть эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — вспоминал А. Н. Косягин [9].

Главным документом, координирующим перебазирование промышленного и сельскохозяйственного потенциала, стало Постановле-

ние СНК СССР и ЦК ВКПб, принятое 16 августа «О военно-хозяйственном плане на 4 квартал 1941 года и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [10].

Этот документ представлял собой развернутую и конкретную программу развития военно-оборонной промышленности в восточных районах страны. Там же сосредотачивалась и подавляющая часть эвакуированной промышленности.

Вместе с тем, Советское правительство проявило необходимую заботу об эвакуируемом населении вглубь страны. В пути следования пассажиры обеспечивались хлебом, другими продуктами. Помощь государства эвакуируемым во второй половине 1941 г., когда собственно, и шло «великое переселение», составила около 3 миллиардов рублей [11].

Во второй половине 1941 г. в тыловые районы страны было переброшено полностью или частично 2593 предприятия [12].

Наряду с этим удалось эвакуировать в глубокий тыл 18 миллионов рабочих, служащих и членов их семей [13].

Для беспримерного в истории перебазирования промышленности, людских ресурсов, материальных и культурных ценностей потребовалось во второй половине 1941 г. 30 тысяч поездов или около 1,5 миллиона вагонов [14].

Проведенное в жизнь решение о перемещении на Восток позволило сохранить промышленный потенциал страны. Кроме того, восточные регионы страны, получившие заводы и людские ресурсы пережили буквально промышленную революцию. Структура размещения эвакуированных предприятий была такова: 226 заводов разместились в Поволжье, 667 — на Урале, 244 — в Западной Сибири, 78 — в Восточной Сибири, 308 — в Казахстане и Средней Азии [15].

Бывший первый секретарь Челябинского обкома ВКПб Н. С. Патоличев вспоминал о том, как приходили на Урал первые эвакуированные эшелоны: «случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя. Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров и было, конечно, не до вещей. При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделялись для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось до 80—100. Никто, разумеется, не роптал, горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами» [16].

В тяжелых условиях эвакуации силу закона имели постановления партии и правитель-

ства о снабжении эвакуированных продуктами питания по пути следования, по прибытии на место, о размещении и устройстве на работу, об оказании медицинской помощи и т. п. На пути движения из фронтовой полосы до Восточной Сибири было организовано 100 крупных пунктов питания, каждый из которых отпускал бесплатно не менее 3 тысяч горячих блюд в сутки. Были открыты молочные кухни для грудных детей [17].

Рассредоточение огромного количества предприятий и людей в восточных районах страны привело к бурному росту городов. Например, только в Иркутскую область было эвакуировано с запада к концу 1941 г. 15 крупных промышленных предприятий. Вместе с ними прибыло 10 тысяч рабочих и членов их семей. Всего же в область по эвакуации прибыло более 30 фабрик, заводов, трестов и сырьевых баз [18].

В связи с миграцией населения повсеместно в восточных тыловых районах всталась проблема жилья эвакуированных. В этой связи, Новосибирский обком партии, отчитываясь о работе, отмечал, что несмотря на усилия, не удалось добиться в нужном объеме жилищного строительства. Повсеместно в Новосибирске ощущалась осткая нехватка жилья. Значительное количество рабочих, инженеров жили в общежитиях, бараках, построенных в военное время. Имелись общежития с двухъярусными койками, где проживало 2900 человек, а 2700 человек жили в землянках. Многие не обеспечивались одеждой, обувью, в особенно трудном положении были семьи эвакуированных [19].

На эвакуированных предприятиях Свердловска и области массово-политическая работа отличалась большой конкретностью и оперативностью. Наряду с устной агитацией была широко представлена и наглядная агитация: многотиражная печать, боевые листки, оперативки. Большую роль эти формы массово-политической работы сыграли в период ввода в строй эвакуированных предприятий, особенно Ижорского и других заводов.

Все усилия партийных органов, агитационно-массовой работы на эвакуированных предприятиях сводились к быстрейшему вводу их в строй, к поддержанию соревновательности, поиска, инициативы. Темпы грандиозного перебазирования промышленности таковы, что отдельные важные в оборонном значении объекты вводились в строй за 10—14 дней. В итоге, уже к весне 1942 г. практически все передислоцированные предприятия работали на нужды войны.

Решение задачи превращения «блицкрига» в долгую невыгодную для Германии войну тре-

бует дополнительного обсуждения. Успешным началом в решении этой задачи явилась Московская битва и, в частности, контрнаступление под Москвой 5—6 декабря 1941 г.

Заключение

В этом сражении в смертельной схватке сошлись и две идеологии: бесчеловечная расистская идеология фашизма и социалистическая идеология как антипод фашизму. СССР взял на себя решение цивилизационной задачи, связанной с уничтожением фашизма и его идеологии, без преодоления которой человечество ждала бы всеобщая трагедия. В противоположность человеконенавистнической идеологии фашизма социалистическая идеология провозглашала «демократизм общественных отношений, возвышение человека труда, равноправие и дружбу всех наций, мир для всех народов, интернационализм во взаимоотношениях между нациями и государствами» [20].

Советское общество военной поры отличала нравственная чистота, высокая духовная стойкость. Все это было следствием беззаветной идейной убежденности.

Широкие народные массы в годы войны, безусловно не знали теоретических основ марксизма-ленинизма, но безгранично верили. Идеал социализма был для простых людей высоким нравственным эталоном, он обуревал чувства простых людей, звал их к победам в труде и в бою во имя социализма. Несгибаемой была и воля советского народа, защищавшего свою Отчизну и завоевания социализма.

А. А. Зиновьев отмечал, что в России коммунизм представлял собой организацию общества сверху и «коммунистический строй больше соответствовал природе русского народа. Удар по коммунизму — удар по государству и русскому народу. Вера в коммунистическое светлое будущее, как и в христианский рай в период Средневековья, выступала ориентиром для организации массового сознания. Этот ориентир презентовал себя как мессианская идея, великая историческая миссия, оправдывающая трудности и лишения, возникающие на пути социального развития. Учитывалось и наличие внешнего врага в лице капиталистического окружения и богатейший исторический опыт есть тому подтверждение (Вторая мировая война, холодная война и прочее) [21].

В работе «Гибель коммунизма» А. А. Зиновьев отмечал роль коммунистической идеологии, которая состояла в привитии человеку лучших моральных качеств (христианские истоки морального кодекса строителя коммунизма очевидны). И он не без основания полагал, что худшим из последствий разрушения СССР была дискредитация прежней системы ценностей,

ЛИТЕРАТУРА

которая породила быстрое моральное разложение общества. Прежняя система ценностей не давала возможности развиваться негативным качествам [22].

На место поруганных и отброшенных моральных и духовных ценностей устремились новые ориентиры в виде западных «ценностей».

Не случайно поэтому, как справедливо отмечают в своей монографии В. Н. Первушина, Н. М. Морозова, В. Е. Талынев, «началось очернение советского прошлого, представление истории советского периода исключительно как истории политических репрессий и тоталитаризма. Некоторые историки дошли до отождествления личностей Гитлера и Сталина, фашизма и коммунизма, термин «красно-коричневые» был в ходу. Это было непростительным идеологическим предательством» [23].

Идеологический перелом после разрушения СССР в сторону западных «ценностей» означал изменение культурного исторического кода России. Спешными темпами в стране насаждалась в 90-е годы 20 века насильтвенная западнизация страны, политические и экономические реформы шли под диктовку США. Но заимствованные из другой духовной среды реформы, новации отторгались в России либо принимали уродливые формы. Разрушение идеологии привело к тому, что была убрана главная скрепа, удерживающая и легитимирующая политическую власть, что в итоге привело к трагедии мирового масштаба — разрушению СССР.

Сегодня, когда в вооруженном противостоянии с Западом Россия демонстрирует свое превосходство на поле боя, хорошую выучку и высокий боевой дух, необходимо открыто заявить «о наличии государственной идеологии, ее пропаганде и необходимости воспитания подрастающего поколения в ее духе».[24]

Отсутствие государственной идеологииdezорганизует воспитательный процесс молодежи, в том числе, в образовании, которое сводится к компетенциям, может привести к утрате чувства патриотизма и гражданского достоинства. Необходимо воспитание уважения молодежи к своим идейным корням и к своей истории, объем которой в преподавании (и это очень правильно) увеличен в четыре раза. Это означает, что власть осознает и понимает глубину воспитательного воздействия истории.

Информация о конфликте интересов

Мы, авторы данной статьи, со всей ответственностью заявляем о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи.

1. Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918—1943 гг.) / С. Якобсон, Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2007. — Вып. 1 (21). — С. 123—141.

2. Солоневич И. Л. Народная монархия / И. Л. Солоневич. — Москва : Феникс, 1991. — С. 13.

3. Симонов К. М. Уроки истории и долг писателя / К. М. Симонов // Наука и жизнь. — 1987. — № 6. — С. 54.

4. Самсонов А. М. Память минувшего / А. М. Самсонов. — Москва, 1988. — С. 214.

5. Василевский А. М. В те суровые годы / А. М. Василевский // Военно-исторический журнал. — 1978. — № 2. — С. 68.

6. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального Штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. : в 3 т. / Ф. Гальдер. — Москва, 1968—1971. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 79.

7. Круглый стол // Московские новости. — 1986. — 28 дек.

8. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. — Москва, 1965. — Т. 2. — С. 547.

9. Косыгин А. Н. В едином строю защитников Отчизны / А. Н. Косыгин. — Москва, 1980. — С. 15.

10. КПСС в резолюциях и решениях съездов и Пленумов ЦК. — Москва : Политиздат, 1985. — Т. 7. — С. 233—237.

11. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. 1941—1945. — Москва, 1985. — С. 118.

12. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. — Москва, 1985. — С. 102.

13. Железнодорожники в Великой Отечественной войне. 1941—1945. — Москва, 1985. — С. 126.

14. Правда. — 1945. — 6 авг.

15. Уманский Л. А. Годы труда и побед, 1917—1987: Популярный справочник / Л. А. Уманский, С. С. Шаболдин. — Москва : Политиздат, 1987. — С. 104.

16. Патоличев Н. С. Испытания на зрелость / Н. С. Патоличев. — Москва, 1977. — С. 216.

17. См.: Великая Отечественная война Советского Союза. — Москва, 1965. — С. 193.

18. РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории), ф. 17, оп. 8, д. 178, л. 70.

19. ГАО ПИО НО, ф. 4, оп. 9, д. 12, л. 54а.

20. Долгов В. М. Идейные основания Великой Победы / В. М. Долгов, И. В. Бирюлин // Вестник Поволжского института управления. — 2020. — Т. 20. № 2. — С. 13.

21. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма / А. А. Зиновьев. — Москва : Центрополиграф, 2011. — С. 21, 23.
22. Зиновьев А. А. Указ. соч. — С. 48, 49.
23. Первушина В. Н. Власть, идеология: методологические подходы / В. Н. Первушина, Н. М. Морозова, В. Е. Талынев. — Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2023. — С. 99—100.
24. Первушина В. Н. Указ. соч. — С. 108.

LITERATURE

1. Yakobson S. May Day slogans in Soviet Russia (1918—1943) / S. Yakobson, G. Lasswell // Political Linguistics. — Yekaterinburg, 2007. — Issue 1 (21). — Pp. 123—141.
2. Solonevich I. L. The People's Monarchy / I. L. Solonevich. — Moscow : Phoenix, 1991. — Pp. 13.
3. Simonov K. M. Lessons of history and the duty of a writer / K. M. Simonov // Science and Life. — 1987. — No. 6. — P. 54.
4. Samsonov A. M. Memory of the past / A. M. Samsonov. — Moscow, 1988. — P. 214.
5. Vasilevsky A. M. In those harsh years / A. M. Vasilevsky // Military Historical Journal. — 1978. — No. 2. — P. 68.
6. Halder F. The war diary. Daily notes of the Chief of the General Staff of the Army 1939—1942 : In 3 volumes / F. Halder. — Moscow, 1968—1971. — Vol. 3. Book.1. — P. 79.
7. The round table // Moscow news. — 1986. — December 28.
8. The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941—1945. — Moscow, 1965. — Vol. 2. — P. 547.
9. Kosygin A. N. In the united ranks of defenders of the Fatherland / A. N. Kosygin. — Moscow, 1980. — Pp. 15.
10. The CPSU in resolutions and decisions of congresses and Plenums of the Central Committee. — Moscow : Politizdat, 1985. — Vol. 7. — Pp. 233—237.
11. Railroad workers in the Great Patriotic War 1941—1945. — Moscow, 1985. — P. 118.
12. The Soviet Union during the Great Patriotic War, — Moscow, 1985. — P. 102.
13. Railroad workers in the Great Patriotic War 1941—1945. — Moscow, 1985. — P. 126.
14. Pravda. — 1945. — Aug 6.
15. Umansky L. A. The years of labor and victories, 1917—1987: A popular reference / L. A. Umansky, S. S. Shaboldin. — Moscow : Politizdat, 1987. — P. 104.
16. Patolichev N. S. Tests of maturity / N. S. Patolichev. — Moscow, 1977. — P. 216.
17. See: The Great Patriotic War of the Soviet Union. — Moscow, 1965. — P. 193.
18. RCIDNI (Russian Center for Storage and Study documents of modern history), f. 17, op. 8, d. 178, l.70.
19. GAO PIO NO, F. 4, op. 9, D. 12, L. 54a.
20. Dolgov V. M. Ideological foundations of the Great Victory / V. M. Dolgov, I. V. Biryulin // Bulletin of the Volga Institute of Management. — 2020. — Vol. 20. No. 2. — Pp. 13.
21. Zinoviev A. A. The Death of Russian Communism / A. A. Zinoviev. — Moscow : Centropolygraf, 2011. — Pp. 21, 23.
22. Zinoviev A. A. Decree. soch. — Pp. 48, 49.
23. Pervushina V. N. Power, ideology: methodological approaches / V. N. Pervushina, N. M. Morozova, V. E. Talynev. — Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. — Pp. 99—100.
24. Pervushina V. N., Morozova N. M., Talynev V. E. Decree. op. — P. 108.